

ЗНАНИЕ-СИЛА 3/88

**ЗНАНИЕ —
СИЛА 3/88**

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Орган ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 3 (729)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Н. С. Филиппова

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
Ю. Г. Вебер
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
Г. А. Зеленко
(зам. главного редактора)
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
И. Л. Кнунянц
П. Н. Кропоткин
К. Е. Левитин
(зав. отделом)
А. А. Леонович
(зав. отделом)
Н. Н. Моисеев
Р. Г. Подольный
(зав. отделом)
В. П. Смилга
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)
Н. В. Шебалин
Н. Я. Эйдельман
В. Л. Янин

© «Знание — сила», 1988 г.

Л. Гордон, доктор исторических наук

Э. Клопов, доктор исторических наук

Тридцатые — сороковые

Статья вторая

Если невозможно вынести окончательное суждение о том, был ли поворот, совершившийся на рубеже двадцатых — тридцатых годов, наилучшим решением, то тем настоятельнее необходимость выявить объективные итоги тогдашнего выбора, сопоставить фактические результаты и намечавшиеся планы, определить ближайшие и отдаленные последствия начатых тогда преобразований.

Самое общее и самое важное социально-экономическое преобразование тридцатых годов — создание реальной социалистической экономики, планомерно функционирующего народного хозяйства, построенного на базе обобществления всех средств производства. Трудом и социальной активностью советского народа была доказана практическая возможность уничтожить капитализм и заменить его иным, социалистическим строем. Социализм может функционировать и развиваться в современном мире, он показал свою жизнеспособность — вот главное, что свершилось в советском обществе предвоенных лет, если мерить его социально-экономическое развитие масштабом всемирно исторической перспективы.

Но было бы ошибкой прилагать этот масштаб к измерению непосредственных последствий поворота, происшедшего на рубеже двадцатых — тридцатых годов. Создание социалистической экономики в СССР, взятой в ее всеобщих, принципиальных чертах, есть итог всего социалистического строительства, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, всей борьбы рабочего класса и всей деятельности Коммунистической партии в процессе революционного преобразования советского общества. Перелом конца двадцатых годов, понимаемый в том смысле, о котором шла речь выше, обусловил не поворот к социализму как таковому — есть все основания считать, что продолжение процессов, протекавших в двадцатые годы, также вело к формированию экономики социалистического характера. Этот поворот означал выбор особенного, конкретного варианта социалистического строительства; тем самым он предопределил особенный, конкретный вариант, конкретный тип тех социалистических общественных отношений и социалистической экономики, хозяйственного механизма, которые сложились в нашей стране в тридцатые — сороковые годы.

«Потребность заявить себя,— писал Федор Михайлович Достоевский,— отличиться, выйти из ряда вон есть закон природы для всякой личности, это право ее, ее сущность, закон ее существования...» Напрочь неблагоприятных времен нет, как нет и безукоризненно благостных, а разумность — тяжкий дар, отличие от всего живого — не дана человеку раз и навсегда. Во все времена ему суждено заглядывать в себя и, всматриваясь, заново отстаивать свое предназначение оставаться человеком разумным. Но есть успокоение и надежда — и они принадлежат Достоевскому: внутри нас нет полной тьмы, как нет ее, говорят, даже в самых темных глубинах океана. Свет свечи тает, но не исчезает весь. Что видим мы в колеблющемся свете? Что способны и хотим увидеть?

«Создай самого себя» («Институт человека») — в этом номере.

На первых страницах обложки — композиция Э. Бажилина.

Очевидно, что в советской экономической системе того времени преобладали отнюдь не высшие, зрелые формы социализма. Как известно, возможности и преимущества социализма не реализованы полностью до сих пор, а уж экономика тридцатых — сороковых годов, во всяком случае, отражала главным образом свойства и закономерности раннего, неразвитого социализма. Мало того, советская экономическая система этого периода представляла собой особый, специфический тип раннесоциалистической экономики. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что это была по преимуществу административная, «командно-нажимная» экономическая система, жестко подчиненная прямому, адресному и сильно централизованному планированию, связанная с резким ограничением сферы действия товарно-денежных отношений, с почти полным устранением самостоятельного начала в деятельности предприятий, с абсолютным господством директивных, по сути дела внеэкономических методов управления народным хозяйством. По данной системе, ее достижениям и издержкам, по ее явным и скрытым, ближайшим и дальнейшим следствиям, а не по всеобщим свойствам социализма, следует оценивать фактические итоги преобразований тридцатых — сороковых годов.

Основные достижения этой системы, как мы считаем, связаны с форсированной индустриализацией ключевых секторов экономики, с ускорением перехода народного хозяйства от стадии, где преобладают доиндустриальные, домашинные технологические способы труда, к преимущественно индустриальной стадии развития производительных сил, а также с непосредственными следствиями подобных сдвигов. Конечно, никто не доказал, что этих сдвигов нельзя было добиться без форсированной индустриализации. В предыдущей статье мы показали, что, во всяком случае, обсуждался и другой вариант более гармоничного развития страны. Но тем не менее надо честно признать, что административно-хозяйственная система, сложившаяся в результате сделанного в двадцатые годы выбора, с индустриализацией главных отраслей промышленности справилась. Возможно — и мы попробуем это показать, — не лучшим образом. Но справились.

Что же касается других экономических, социальных, культурных, политических процессов, образующих вместе с ростом производства целостность общественной жизни и общественного прогресса, то их течение говорит, скорее, о слабостях, неизбежной ограниченности такой экономической системы. Тем более (об этом мы еще будем говорить подробнее), что она в реальности нашей истории помогла установлению авторитарно-деспотического режима. Режим этот способствовал экономическому «подхлестыванию» страны. Но он же стал источником страшных злодеяний, беззаконий, вулгаризации социалистических идеалов, «окаменения» культуры.

Спору нет, в реальной действительности достижения и издержки административно-хозяйственной системы были сплетены друг с другом, образуя в конце концов разные

проявления одних и тех же процессов. Успехи достигались здесь ценой издержек, и в этом смысле издержки выступали одной из предпосылок достижений. Но в аналитическом разборе целесообразно отделить хотя бы мысленно, условно достижения от издержек и рассмотреть их последовательно. Логично (и справедливо) начать с достижений.

* * *

Решающее из них — возможность обеспечить наращивание производительных сил, достаточное, чтобы преодолеть стадийное отставание народного хозяйства СССР и поднять его ключевые сектора на ту же технико-технологическую стадию, на какой находились тогда другие промышленно развитые страны. Форсированная индустриализация осуществлялась не совсем в те сроки, не совсем в тех масштабах и совсем не с теми издержками, не с теми социальными последствиями, о которых шла речь, когда решался вопрос о выборе этого варианта. Но она все же осуществилась, и советская экономика в целом приобрела индустриальный характер.

Почему административно-командная система оказалась пригодной для успешного проведения форсированной индустриализации? Хозяйственный механизм этого рода во многих отношениях соответствовал ее объективным потребностям и природе. Индустриализация СССР в конкретно исторической обстановке тридцатых — сороковых годов представляла собой чрезвычайно трудную и трудоемкую задачу, требовавшую длительного и упорного напряжения всех сил общества. Но при огромных трудностях и тяготах задача эта в определенном смысле, прежде всего в ее технико-технологическом аспекте, отличалась относительной простотой или, может быть, лучше сказать — несложностью.

Поскольку индустриализация с ее технико-технологическими преобразованиями разворачивалась у нас значительно позже, чем в Западной Европе и США, развитие нашего производства во многом упрощалось применением уже готовой, имевшейся техники и разработанных технологий, равно как и подготовкой рабочей силы на основе вполне освоенных приемов научной организации труда, известных квалификационных требований и т. д. Знаменательно, что 80—85 процентов вложений в активную часть основных производственных фондов, созданных у нас в период индустриализации, то есть основная часть машин и оборудования предприятий, построенных, расширенных, реконструированных в это время, приходится на долю импортированной техники. В рамках глобального научно-технического прогресса индустриальные преобразования тридцатых — сороковых годов имели во многом вторичный и в этом смысле экстенсивный характер.

Кроме того, и это не менее важно, индустриальный тип производства по своей технико-технологической природе может первоначально формироваться в отдельных секторах экономики. (В этом становление индустриального производства существенно отличается от развертывания современной НТР,